

«К ЕГО ПЛЕЧУ ПОДАТЬ ПЛЕЧО...»

1. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Т
ТОВИКА:

резво сознавая, что осмысление жизни и творчества Валентина Распутина намного превосходит мои слабые силы, я все же, в том числе и поддавшись на уговоры, взялся за эту рискованную работу. Почему? — ответ отчасти может содержаться в четверостишии известного поэта-фронтовика:

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо:
И от родства, и от печали —
Бог знает, от чего еще.

В моем случае, наверное, — от духовного родства, от нашего несметного русского богатства, но и от обездоленности тоже. И ничего, что Валентина Григорьевича нет с нами уже восемь земных лет: духовное общение и беседы — глаза в глаза — продолжают. Ведь, как известно, «у Бога нет мертвых, у Бога все живы»...

Моему поколению, благоговеющему перед «живыми» писателями и роняющему пот со лба при встрече с ними, как когда-то Есенин перед Блоком, свойственно было видеть в них едва ли не богов во плоти; сейчас такого нет, может, потому нет и, как многие считают, большой литературы, к тому же, все идет так, как почти двести лет тому назад предвидел Евгений Боратынский в стихотворении «Последний поэт»:

Век шествует путем своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.

У меня было две почти встречи с Валентином Распутиным, расскажу о первой.

В то время я литературу прочно забросил, считая, что есть занятия более важные, но происходящим в литературном мире интересовался. Конечно, ни о какой встрече с Распутиным тогда я не помышлял.

И вот однажды, ближе к зиме (помню снег густой, почти метель), где-то, наверное, в начале десятых вздумалось мне отлучиться со службы, может, за водкой, а это было чревато. И вот я в своем старом бушлате (донашиваю до дыр и лохмотьев старые вещи), обгибая стены Даниловского монастыря, направился к ближайшей «точке». Не успел перейти трамвайные линии, как у начала монастырских стен увидел... Распутина. Я так понял, что он спрашивал у случайных прохожих, как ему найти гостиницу Даниловского монастыря. «Вот он, шанс, — подумал я. — Сейчас его в гостиницу отведу, а по дороге и побеседую.»

Но не тут-то было! Живого классика у меня из-под носа похитили какие-то узнавшие его расторопные богомолки. Конечно, я был огорчен, но утешил себя тем, что Бог знает, кому, когда, что и сколько давать.

Была у меня с ним и вторая встреча в марте 2015 года, но эта встреча была уже совсем печальная.

2. ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

*...И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет...
И дольней лозы прозябанье...*

А. Пушкин

В Библии рассказывается о том, как Господь явился пророку Илие: не в землетрясении, не в громе и молнии, не в урагане, а в веянии тихого ветра. К чему это я? К тому, что человек создан по образу и подобию Божию и несет в себе, если их сам не отторгает, все светлые божественные свойства Творца. Так и тишайший Валентин Распутин, сидящий в самом дальнем уголке на писательских секретариатах, уступающий дорогу в коридорах всем, идущим ему навстречу, заботливо опекающий своих младших литературных собратьев (здесь уместно вспомнить человека непростой судьбы, бывшего детдомовца Эдуарда Анашкина, его пронзительно достоверную книгу «В.Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе»), мог явить и противоположное мягкости и тихости качество — бескомпромиссную твердость. В 1990 году он подписал «Письмо писателей России», в июле 1991 — «Слово к народу», в 2001 — «Остановить реформы смерти». А мы ведь хорошо помним эти времена, помним, с какой ужасающей частотой, непонятно как из окон правительственных зданий один за другим вылетали ответственные работники ЦК. Думаю, Распутин вполне осознавал свою такую возможную перспективу, но это его не останавливало, и, наверное, все же хранил Господь избранных своих. Более того, с трибуны съезда он заявил: «Сегодня мы живем в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не удалось добиться на полях сражений, предательски совершилось под видом демократических реформ... Чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков — все почти чужое, и если что позволено свое, то в скудных нормах оккупационного режима...»

Вдумчивый и серьезный исследователь феномена уже советской крестьянской России, а значит, и ее виднейшего представителя писателя Валентина Распутина, Николай Дорошенко в своей статье «Распутин: русская душа и русский характер» пишет: «В своем инстинкте возрождения порушенная революцией и двумя мировыми войнами Россия открыла миру свои уже самые последние, свои са-

Валентин Распутин

мые потаенные, тысячу лет невидимые и неслышные человеческие хранилища — крестьянские». Действительно так, но существует и настоятельно требует ответа вопрос по Есенину: «Куда несет нас рок событий»? Одну, предельно печальную, а может, и безвыходную перспективу рисует нам невинно убиенный талантливый поэт Николай Мельников в переворачивающем душу стихотворении «Поставьте памятник деревне»:

Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждет свой смертный час...
Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи помилуй!»
И вера в праведность судьбы.

Сложно, очень сложно писать о творчестве Валентина Распутина, глаза разбегаются, глядя на все это литературное великолепие, и трудно остановить свой взгляд на чем-то одном. Но, пожалуй, начну с этапов его творческого пути. Первая книга Валентина Распутина «Край возле самого неба» (уже чувствуется, может, еще не вполне явленная, духовная направленность писательского взгляда, не правда ли?) вышла в Иркутске в 1966 году.

В 1967 году в Красноярске была издана книга «Человек с этого света». В том же 67-м году повесть «Деньги для Марии» была опубликована в иркутском альманахе «Ангара», а в следующем году вышла отдельной книгой в московском издательстве «Молодая гвардия». Далее у Распутина пошли вещи, которые можно смело назвать литературной классикой: «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976), «Пожар» (1985), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). В этот список я бы безоговорочно внес и напечатанный в «Роман-журнале XXI век» № 2 за 2005 год очерк ли, эссе ли Валентина Распутина «На Афоне»; думаю, что эта монашеская христианская святыня, таившаяся в его груди, и есть явленная миру вершина его творчества...

Валентин Распутин с первых своих произведений зарекомендовал себя не только как безукоризненный стилист, но и как тончайший психолог, от взгляда которого

го не может укрыться ни малейшее душевное движение его героев. Так, в коротком рассказе «Что передать вороне?» он с толстовской достоверностью описывает тонкий и хрупкий внутренний мир своей пятилетней дочки: «Я забежал на исходе дня в детский сад за дочерью. Дочь мне очень обрадовалась. Она опустила по лестнице и, увидев меня, вся встrepенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, не заторопилась, а быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врожденный, но не затвердевший еще характер, каких усилий ей стоит сдерживаться и не кинуться мне на шею...» Известный критик Владимир Бондаренко так сказал об этом рассказе: «Я вспоминаю изумительный гениальный рассказ Валентина Распутина 1981 года “Что передать вороне?”. Об их взаимоотношениях с дочкой. Это рассказ о самых нежных, откровенных и чрезвычайно хрупких человеческих связях между любимыми людьми. О безграничном доверии пятилетней дочурки к отцу, доверии, которое ни за что нельзя нарушать. Иначе нечего будет передать вороне...»

«Все живое особой метой / Отмечается с ранних пор...» — писал наш великий национальный лирик Сергей Есенин.

Отмечается, зачастую оставляя после себя на сердце глубокие шрамы и рубцы, добавлю я уже от себя. Я — об «Уроках французского». Также и о блестящей работе режиссера Евгения Ташкова, о поразительно пронзительной роли актера-детдомовца Михаила Егорова, игравшего одиннадцатилетнего Володю, в котором угадывается сам юный многострадальный Валентин Распутин. Свойство писательского таланта Распутина таково, что ему лучше всего удаются герои, стоящие на противоположных возрастных полюсах: дети и старики, скажем так; юная дочка писателя и старуха Дарья. Мы уже говорили о прямом и непростом характере его пятилетней героини (ох и набьет такая себе шишек в жизни!), теперь поговорим о Володе, герое «Уроков французского». Да, Россия, по слову Н. Дорошенко, открыла свои самые потаенные хранилища — крестьянские, но откуда в мире простонародья оказалось столько зла, столько братоненавистия! Володю-то, по-хорошему, надо было всячески опекать и поддерживать, как это делают со своими наши старшие «братья», а его одноклассники чуть ли не сжигают со света. Хорошо, рядом добрая учительница оказалась. Кстати, они встретились, когда Распутин стал уже известным писателем, и их дружба продолжалась до самой кончины его учительницы Лидии Михайловны. Однажды Валентина Распутина в интервью спросили: «В “Уроках французского” есть фраза, которую нельзя не запомнить: “Откуда мне было знать, что никогда и никому не прощались, если он в своем деле вырывается вперед? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всего ненавидит его тот, кто идет за ним следом”. Вы и сейчас так считаете?» Распутин ответил: «Конечно... Это зависть. Она всегда была и есть...»

Завистников и недоброжелателей у Распутина хватало с избытком, но поделаться с великим писателем они ничего не могли: солнце ладошкой не закроешь.

На вопрос, есть ли у него среди его произведений любимые, писатель ответил, что есть: «Это “Уроки французского” и “Прощание с Матерой”...»

3. НА АФОНЕ

Великий наш пророк и духовидец Федор Михайлович Достоевский как-то сказал, что русский человек без православия — дрянь, а не человек. Православие, конечно, ноша тяжелая и, по земному рассуждению, неприбыльная: надо отдавать и жертвовать, ничего не требуя взамен. Но и это не все: надо духовно совер-

пешествовать, нельзя стоять на месте, необходимо грести против течения, ибо встречный поток далеко отбросит тебя назад. Эту истину как никто другой понимал наш человеколюбивый поэт-философ Николай Заболоцкий:

Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь...

Глубокие воды не бурливы, течение их спокойно, но глубина их обманчивой глади такова, что и опытному ныряльщику с трудом достать дна.

Такой тихой русской рекой, погруженной в самую себя, а может, даже тайным монахом в миру мне всегда представлялся Валентин Распутин, когда я видел его на экране телевизора.

Верно ведь сказано его многолетним другом Эдуардом Анашкиным, что внешне Распутин был замкнут и немногословен, а становился самим собой лишь за письменным столом, в уединении.

И, думаю, его влекло зреющее и требующее исполнения подспудное духовное желание, некогда владевшее Пушкиным:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

(«Монастырь на Казбеке»)

В отличие от «невъездного» Пушкина, въездному Распутину удалось побывать в своем «монастыре на Казбеке» — на святом Афоне. Валентин Распутин пишет, что многие из русских писателей — Гоголь, Тургенев, Лесков, Достоевский — в своем творчестве обращались к этому вселенскому православному светильнику, а Борис Зайцев, приехавший туда из Франции в 1927 году, написал об Афоне блестящий очерк; писатель-изгнанник как бы заново здесь обрел свою потерянную Родину. Почему я считаю «На Афоне» Распутина выдающимся художественным явлением? Потому что в нем в дивной глубине и простоте из самого сердца, истосковавшегося по настоящей, суровой и спусительной благодати, вырвались в классической сдержанности и строгости слова благодарения Творцу за то, что «сподобил увидеть отблеск рая», как сказал в своем стихотворении преподобный Варсонофий Оптинский.

«Только Бог и исчезновение в Боге — так издавна обозначено здешнее служение; на жизнь смотреть сквозь смерть — такова заповедь аскетизма. Полное самоотречение, неусыпная молитва, особый “замок” в себе, недоступный для искушений...» — так видит писатель смысл и содержание жизни афонских подвижников.

«На жизнь смотреть сквозь смерть», сквозь земную, я бы сказал, бренность — разве не об этом главная потаенная суть его творчества? Вспоминает Распутин среди других подвизавшихся и знаменитого философа Константина Леонтьева, год прожившего среди афонской братии, но так и не постриженного в монахи. Но кому ведомы пути Господни? Константин Леонтьев с монашеским именем Климент был пострижен в Сергиевом посаде, где, вскоре после своего духовного наставника Амвросия Оптинского, в 1891 году он и скончался.

Валентин Распутин — не оттого ли, что все это родное, — мягкими красками, словно бы вполголоса передает атмосферу храма, где идет служба: «Храм в полутьме курится свечами, тускло блестит золото икон, едва слышно пробираются к стасидиям приподзвившиеся, шелест общего движения, когда сосступают со стасидий и снова занимают свои места. Случаются дремлющие монахи, изможденные недосыпанием. Грех невелик, тяжело монашеское тягло, да еще в Великий пост...»

Писатель видит и слышит все происходящее в храме, видит, как монахи со скальзывали со стасидий и распластывались на полу. И себя видит он словно со стороны: «Я повторял их движения слепо и неловко, опаздывая, громко стуча коленками. Но это продолжалось недолго, служба как бы отыскала меня, подхватила, помогая узнавать и понимать все ее движения, стало легко и радостно, нахлынул восторг, что наконец-то я здесь, куда нельзя было не приехать».

Главная святыня Афона — Иверская икона Божьей Матери, и Валентин Распутин о встрече с ней обязательно расскажет, а пока послушаем его рассказ об «угольном» образе Спаса: «В соборе Покрова Богородицы показали нам совершенно потемневший “угольный” образ Спаса. Он почернел в неделю в июле 1918 года, когда в Екатеринбурге была зверски уничтожена царская семья. Известие об этом злодеянии дошло до Афона позже, а тогда, ничего не понимая и пугаясь, пытались очистить, проявить нерукотворный образ Спасителя на иконе — нет, в безысходной скорби он так и остался навсегда темным».

Даже, казалось бы, бесчувственное дерево почернело, а что сердца человеческие, созданные сострадать? Валентин Распутин делится своими нынешними монастырскими впечатлениями и раздумьями: «В коридоре ни звука. Неужели там, откуда мы приехали, в больших городах огромной несчастной страны, в городах, превратившихся в скопище зла, продолжают сейчас визжать и кричать перед экранами, изощряться в пошлости и безстыдстве, лезть грязными руками и словами в душу, зазывать в бесконечные игры и викторины с призами... Нет-нет, ничего больше нет и не будет. Так хорошо!»

Так неспешно, хотя и было у них всего три дня, наши герои — а кроме Валентина Распутина в группе еще были искусствовед и реставратор Савва Ямщиков и оператор Анатолий Пантелеев — предстали пред чудотворной иконой Иверской Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой. Далее дадим слово Распутину, он необыкновенно красноречив:

«В храме тишина, сумрак, кроме нас никого. Монах, сопроводивший нас и показавший ранку на образе, след от удара копьем, вышел, чтобы не мешать нам отдаваться чувствам. Это даже и не чувства, а до жути сладкое и восторженное проникновение (попытка проникновения) в глубь тайны тех времен, когда мир чудесно освятился новыми знаменами и с радостью шел во имя их на любые страдания. И как не полчаса ли не находили мы сил, чтобы оторваться от образа, одно ликозрение которого, одно прикосновение к нему можно считать за чудо. О, Мать Божия, игуменья Афонская, не остави нас, ступивших в Твой Предел, своею милостью».

Всем известна история обретения чудотворного образа: страх преступного, удалившего копьем икону Варвара; кровь, выступившая на иконе после удара; множество спасительных чудес, коим нет числа. Следует сказать, что при царе Алексее Михайловиче был сделан и доставлен на Русь «список» Иверской, помещенный в Новоспасский монастырь и тоже прославленный многими чудесами. Божья Мать во времена испытаний и турецких нашествий на святой Афон говорила падающим духом: «Пока моя икона будет находится в Иверском монастыре, ничего не бойтесь... А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берет свою торбу и грядет куда знает».

Валентин Распутин приводит пример того, как Божья Матерь устарила ту-рок, требовавших у оставшейся братии драгоценности с ее иконы.

«Берите сами, — отвечали монахи. — Берите сами, если не боитесь. Вон сколько на нашей Матушке-Игуменье богатства: и золота, и серебра, и драгоценных камней! Если вам угодно — снимайте». Но турки топтались в дверях церкви и не смели: «Мы не можем к ней подступиться: вон как она на нас сердито смотрит!»

...Своей необыкновенной духовной глубины очерк, написанный в марте 2004 года (а это всегда время Великого поста), Валентин Распутин завершает словами: «...А на Афоне покой и мир; если даже занялась там тревога, она не видна. Подхватываясь из храма в храм, неземными голосами звучат песнопения, коим внимает небо; грубых слов и неправды нет и в помине, усердие не имеет иного назначения, кроме благого; святой дух расстилается по лесам и травам...» Таков он, наш «деревенский» писатель Валентин Распутин, — писатель космически-вселенский, чье творчество фимиамом восходит к подножию престола Божия.

4. МНОГИМИ СКОРБЯМИ... ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Святитель Игнатий Брянчанинов так объясняет причину скорбей и болезней, находящихся на человека: «Господь посылает верующим в Него многие испытания, чтобы сими испытаниями они более утверждались в вере и в том, как близок Господь ко всем призывающим его».

«Легко тебе говорить, наслаждаясь здоровьем, — скажут мне критики. — А ты вот сам возьми и пострадай». — «Не таким уж и здоровьем и наслаждаюсь, — отвечу я им. — А потом, я говорю не от себя, а от апостольских “Деяний”: многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие (14, 22)». К тому же в нашем церковном народе существует твердая убежденность, что не наложит Господь на человека креста, превосходящего его силы.

Какое отношение имеет вышесказанное к Валентину Распутину? Самое прямое, ибо последние годы его жизни были сущим мученичеством. Эдуард Анашкин в своей уже упоминавшейся книге о дружбе с Распутиным, подступая к описанию недалеких уже бедствий, идущих к его великому другу, приводит такие слова Виктора Астафьева, сказанные еще в 2001 году: «Ему как-то трудно всегда давалась и дается жизнь, а вот старость накатывает с такими бедами». Беды, драмы, трагедии, житейская и человеческая неустроенность — неужели нет другого жизненного пути для русского писателя? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, даже достигший возраста патриарха Лев Толстой — кто из них счастливы был вполне в земной жизни? Не ради же красного словца знающий цену слова Пушкин в состоянии, близком к отчаянию, написал:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана!

Или другое:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю.

Железную руку судьбы или провидения в полной мере испытал и Валентин Распутин. Так, второй сын Распутиных — Роман — в детстве умер от пневмонии. Надо ли описывать всю глубину горя молодых родителей?! Сам Валентин Григорьевич, только начавший выходить на большую литературную орбиту, был так зверски избит на улице какими-то подонками (пробита голова), что долго и болезненно потом восстанавливался. И, конечно, вершиной или глубиной отцовского горя была смерть в авиационной катастрофе в аэропорту Иркутска его любимой дочери Марии, которую поехали встречать жена и старший сын... В морге Марию

ее мать Светлана Ивановна опознала лишь по цепочке, когда-то подаренной отцом, и оплавленному крестику. Среди множества телеграмм и писем соболезнования были и от Алексия II, Патриарха Московского и всея Руси: «Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна! С чувством глубокой скорби узнал о трагической гибели вашей дочери Марии Валентиновны! Примите искренние соболезнования. Православная Москва знала Марию как усердную прихожанку, певчую народного хора Сретенского монастыря и сотрудницу его издательства. Москва музыкальная помнит ее как талантливого органиста, вдохновенного исследователя, внимательного педагога. Кроткий и светлый облик Марии останется в памяти всех, кому посчастливилось с ней общаться. Благодарю Бога, что перед своим отъездом в праздник иконы Владимирской Божьей Матери Мария исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин, а накануне пела на Божественной Литургии. Все это вселяет в нас твердую надежду на милость Божью. Господь, Своим неизреченным Промыслом призвавший Марию в вечные обители, да успокоит ее в селениях праведных. Вам — силы пережить горе, постигшее Вашу семью. С уважением, Алексей, Патриарх Московский и Всея Руси». 19 августа в органном зале Иркутской филармонии состоялся концерт, посвященный памяти Марии, так как на этот день пришлось ее сороковины. Об этом событии иркутский поэт Владимир Скиф, знавший многие годы Марию лично, написал полное любви и горечи пронзительное стихотворение. Вот строки из него:

Сырой Иркутск. Костел старинный.
Сороковины. Дождь идет.
Органый зал. Он ждет Марию.
Он каждый год Марию ждет...
А в небо рано, слишком рано
Звезда Мариина взошла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была...
И вот полет — к органу или
К иным — Господним берегам...
Чтоб мы Марию не забыли,
Звучит как Реквием орган...

А старость все накатывала и накатывала своими разрушительными набегами на слабеющего, но не сдающегося воина Христова. Уже и работать Валентин Григорьевич мог только дозированно: один час на все про все — или час чтения, или час письма. Чудовищно побела голова, слабела память. Подолгу не выходил из больницы. Но в писательской и общественной жизни Распутин продолжал по мере сил участвовать, и авторитет его в патриотической среде был неоспорим. Вот уж, действительно, величие Божье проявлялось и в дуновении слабого ветерка... Потом, как гром с небес, пришло сообщение по всем телевизионным каналам, что 14 марта (не дожидаясь одного дня до дня рождения) любимого писателя, заступника и утешителя, не стало. В большой печали и с тяжелым сердцем пошел я на нашу вторую встречу, она же была и прощанием. Не скажу, что народу в храме Христа Спасителя были толпы, но точно могу сказать, что случайных и чужих там не было. У входа стояла группа писателей, о чем-то вели разговор; среди них узнал Владимира Крупина и Юрия Лоцица. Купил свечу, поставил на канун, стал вглядываться в явственно проступившие сибирские черты дорогого страдальца. И вдруг ощутил какой-то жестокий комок в горле, который никак не мог проглотить... Я вышел из храма... Вскоре, рассматривая в интернете фотографии Валентина Распутина, нашел его фото с маленькой тогда еще внучкой Антониной, что явилось неожиданным и для себя самого толчком к написанию сонета «Сонет Валентину Распутину», впервые напечатанный на сайте «Русская Народная Линия».

СОНЕТ ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

Корабль российский вновь разбит
В щепу — изменой и безвоьем.
Все кончено... И он глядит
В грядущее с застывшей болью.

А может, неотступно зрит
За обнажившейся юдолью
Невысказанность, что хранит
В себе сибирское раздолье...

И кто он — русский человек
И мир его — под страшный век
Попавший — как под горный камень, —
Каких-то двадцать лет спустя
Увидит малое дитя,
Лицо закрывшее руками.

2015, март

«Дитя, лицо закрывшее руками» — речь идет об известном фото, на котором Валентин Распутин на коленях держит внучку, закрывшую руками лицо...

Местом упокоения писателя стал Знаменский монастырь в Иркутске. Проводить в последний путь Распутина пришли пятнадцать тысяч его земляков. Отпевание покойного совершил сам Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси.

Николай КОНОВСКОЙ

«ДРУЖБА НЕ ЗНАЕТ СЧЕТА...»

Собственно, мое знакомство, как и встречи с Валентином Распутиным объединяла одна площадка — правление Союза писателей России. Некоторые советы этого незаурядного человека и изумительного писателя во многом определили мою судьбу.

Несколько благодарных историй о В.Г. Распутине.

ЛЕГКАЯ РУКА

С Валентином Распутиным я познакомилась на третий день работы в Союзе. Я зашла в приемную к Людмиле Трофимовне Плужниковой, многолетнему секретарю Сергея Михалкова и Юрия Бондарева: надо было оставить на подпись какие-то бумаги. Там за круглым столом, обитым зеленым сукном, толпились писатели. Рассматривали новые журналы, пили чай. Меня, новенькую сотрудницу, пригласили к столу, и я не отказалась. Ведь Плужникова с первого дня взяла шефство надо мной, узнав мои непростые семейные обстоятельства и болезнь сынишки. Я ей призналась, что пришла временно, пока ищу работу по специальности, в газете либо журнале, и что писателей лично никого не знаю, разве что по книжкам, только на трибунах их и видела. И даже немного их побаиваюсь. Вот она, познакомив меня с Валентином Григорьевичем, с улыбкой рассказала про эти мои страхи. Распутин рассмеялся:

— Разве я страшный? Я вот не злой, и рука у меня легкая.

— А вы правда писатель? — пошутила я.

Все присутствовавшие на чаепитии рассмеялись, и я поняла, что шутка понравилась.

— Писатель, только не раскрученный. А вы кто?

— А я журналист, выпускница МГУ, только без работы. Сын болел, надо было спасать его, а перерыв в 10 месяцев притормозил мое поступательное карьерное движение. Но у меня тоже рука легкая. Вот если я про вас, — улыбнулась я Распутину, — напишу, то сразу станете известным.

Деликатно переглянувшись, писатели улыбнулись моей самонадеянностью. Гораздо позже я поняла, что молодости и искренности многое прощается...

— Я тоже журналист. Мы коллеги. Так что вы попали, куда надо. Виват! Со временем из журналистов некоторые в писатели приходят. Вот как я, например. А вы сразу: молодая — и в Союзе писателей работаете. Это — судьба. Доверьтесь ей, не бойтесь.

Я не знала, что ответить, и жутко покраснела.

— Один-один, ничья! Это писательские дискуссии. Привыкай, не смущайся, — подвела итог Плужникова и отправила меня мыть чашки.

Врнувшись с чистой посудой к столу, я увидела огромный пакет с конфетами для сына. Мои «сочаевники», будущие лауреаты Государственных премий — писатели Семен Иванович Шуртаков, Виктор Федорович Потанин, Валентин Григорьевич Распутин, — подвели шуточный итог:

— Девушка вы некапризная, скромная, образованная. Не понравится с нами работать, поможем в газету устроиться.

Спустя несколько месяцев после той знаковой встречи, услышав в новостях по ТВ, что за роман «Прощание с Матерой» Валентин Распутин удостоен Государственной премии СССР, я обрадовалась, как будто с моей легкой руки лауреатство Распутину «досталось».

Вся страна в те дни искала и читала книги Валентина Распутина. Талант победил! И без моей легкой руки обошлось.

«ЛИШЬ БЫ НЕ ЗАБРОНЗОВЕЛ...»

— Лишь бы не забронзовел. Такой талантливый, но скромный, с достоинством... — задумчиво прокомментировала Людмила Трофимовна известие о лауреатстве Валентина Распутина. Тот, бывая в правлении, всегда уважительно заглядывал к Людмиле Трофимовне, рассказывал новости и дарил книги. Плужникова гордилась этой дружбой. Да и мне было лестно, когда на заседаниях секретариата, пленумах и просто в правленческих коридорах Валентин Распутин, увидев меня, здороваясь, всегда очень серьезно спрашивал:

— Ну что, Легкая рука, присматриваешься к писателям или, быть может, сама пробуешь писать?!

Как в воду глядел... Я начала работать в приемной комиссии и, продолжая сотрудничать с журналами, потихоньку взялась и за детские рассказы. Держала какое-то время это в тайне, ведь быстро поняла, как непросто издать книгу, вступить в СП. Иногда Распутин заходил в приемную на чай. Но не ко мне, а к Семену Шуртакову и Виктору Потанину, когда те приезжали-приходили на заседания приемной комиссии. Они дружили! Попадала иногда под лучи этой дружбы и я. Но больше в этих беседах помалкивала. К тому же в приемной все знали, что я начала печататься в «Мурзилке», но по моей просьбе этот факт со «взрослыми» писателями временно не обсуждался. В один из таких визитов Валентин Григорьевич пришел с двумя внушительными коробками. В одной — виртуозно упакованные эклеры, в другой — «Птичье молоко», очень модный на тот момент торт.

— Это — моя благодарность Легкой руке. Узнал, что консультант приемной комиссии вступающих иркутских литераторов чаем и пирожными щедро угощала...

При этих словах Валентин Григорьевич сдержанно, одной головой изобразил шутливый полупоклон в мою сторону.

— Как? Что?! — Наши ахи и охи под аккомпанемент бокалов... К тому же выяснилось, что некоторое время назад был принят в Союз писателей родственник Распутина — поэт Скиф Владимир Петрович.

Распутин и Скиф женаты на родных сестрах, Светлане Ивановне и Евгении Ивановне! Вот уж, воистину, мир тесен... Ну хоть бы полсловечка сказали, намекнули. Ни один, ни второй...

И хоть бытует мнение, что скромность в творческой среде не в моде, но я свидетельствую, что по крайней мере двух абсолютно скромных литераторов я в своей жизни встретила.

ДРУЖБА НЕ ЗНАЕТ СЧЕТА

«Дружба не знает счета, как и любовь» — эта сентенция хорошо известна философам и мудрецам. А вот в жизни бывает по-разному. Хотя мне вот жаловаться грешно. Моя школьная подруга Любовь Антоновна Хованская, архитектор и просто талантливый человек во всем и всегда, протянула мне руку помощи, когда в борьбе за жизнь сына мы победили и пришла пора возвращаться в социум. Дело в том, что его величество Случай помог: фронтовик, прозаик, литературный консультант правления СП — Андрей Константинович Дугинец — гостил в семье моей подруги и, узнав о моей истории, решил вмешаться, помочь мне, дочери фронтовика. При том, что порекомендовал он меня заочно: увидел первый раз уже в правлении. Задумывалась работа для меня как временная. А вышло так, что почти всю жизнь и проработала в приемной комиссии. Но это другая история. А в нашей речь пойдет о дружбе Эдуарда Анашкина и Валентина Распутина. Длина их дружбы — тоже вся жизнь.

Они первый раз встретились на известном Читинском семинаре молодых писателей. Валентин Распутин был официальным участником, Анашкин — гостем. Но так же, как и все, Эдуард Константинович сидел на семинарах, участвовал в обсуждениях, потом переписывался долгие годы с некоторыми семинаристами. Публикации серьезные только намечались. На этом семинаре Распутин пообещал Эдуарду Анашкину подарить свою первую книгу. Переезд Анашкина из Читы в Самару, в глубинку, жизненные обстоятельства развели семинаристов на долгие годы... И вот Случай. Эдуард Анашкин вступает в Союз писателей, начинает бывать в правлении. Меня и его «сдруживают» поездки к иконе «Всецарица» в Старо-Алексеевский монастырь, совместные чаепития (мы оба кофеманы). К тому же мой покойный муж был в ту пору редактором журнала «Россия молодая» и частенько печатал одаренного Анашкина. Так вот, узнав, что я временами по приемным делам общаюсь с уже ставшим очень известным (а потому и малодоступным) Распутиным, Эдуард Константинович попросил телефон своего давнишнего товарища. По моему мобильному телефону они сразу и договорились встретиться у метро «Кропоткинская». Анашкин, правда, по-дружески мне признался, что боится, вдруг изменились оба (он и Распутин) и не узнают друг друга. Я пообещала проводить его на встречу. Самое трогательное, что Валентин Распутин с такой же просьбой обратился ко мне. Просто я не стала Анашкину об этом рассказывать. У меня по сей день стоит перед глазами эта картина — прислонившийся к какой-то афише задумчивый Валентин Распутин... Я подтолкнула Анашкина к Валентину Григорьевичу и увидела, что два «семинариста» мгновенно узнали друг друга. Обнялись. Начали что-то записывать, меняться адресами. А я стала спускаться в метро и последнее, что увидела, как они озираются, ищут меня, а потом идут к храму...

Теперь уже за чайным столиком в 14-й комнате (тогдашнее расположение приемной комиссии) Валентин Распутин частенько вел беседы с Эдуардом Анашкиным. Он опекал своего товарища поначалу, написал Эдуарду Константиновичу предисловие к книге «Запрягу судьбу я в санки». Стал приглашать на Иркутский праздник Русской духовности и культуры «Сияние России». Не только опекал, но и гордился тем, что в гору пошел литературоведческий талант его друга из семинарской юности. Всем рассказывал о библиотеке, которую Эдуард Анашкин создал на общественных началах в селе Майское для односельчан. Дарил ей самые лучшие свои книги. Распутин ввел Эдуарда Константиновича в свой круг единомышленников — познакомил-подружил с Владимиром Крупиным, Станиславом Куняевым, Николаем Ивановым, Семеном Шуртаковым, Валерием и Мариной Ганичевыми, Игорем Яниным, Сергеем Котькало...

Распутин с Анашкиным почти каждый день перезванивались, наверстывая упущенное для общения время. Когда Валентина Григорьевича бестактно хвалили за помощь земляку-сибиряку, тот спокойно и с достоинством отвечал:

— Один мой знакомый детский писатель любит декламировать: «Дружба не знает счета...»

Мне было лестно, что меня цитировал большой писатель, но я ни в каком страшном сне не могла себе представить, что и мне уготовано испытание, став свидетелем которого, Распутин не промолчит, заступится. А дело было так...

На одном из секретариатов мне поручили вести протокол, так как заведующая протокольным отделом отпросилась к врачу. Секретариат был расширенным, много известных писателей на нем присутствовало, в том числе и из других городов. Планировали, в частности, и некоторые спорные приемные дела рассмотреть. Но вдруг сразу после открытия слово взяла тогдашний пресс-секретарь Л., человек сколь одаренный, столь и, скажу мягко, напористый. Про таких говорят, «по головам идет» к цели. Она и политикой активно занималась (и успешно занимается!). Л. торжественно изрекла, что создается то ли комитет, то ли отдел патриотической направленности и нужен толковый технический исполнитель — на месяц, в крайнем случае, на два под ее руководство. Я эти сентенции добросовестно записывала до тех пор, пока не прозвучала моя фамилия. Л. предложила Валерию Ганичеву командировать меня на месяц под ее руководство! Это тем более удивительно, что с женской частью коллектива Л. в основном не здоровалась и общалась, используя исключительно крепкие выражения!

— А что, приемная комиссия закрывается? — собрав все мужество, спросила я.

Не буду повторять ушат воплей, вылитых на мою уже не девичью голову в ответ на вполне резонный вопрос. Но это только укрепило меня в своем решении отстаивать свое право на выбор.

— Давайте рассудим! Союзу это надо? — осторожно изрек дипломат Ганичев.

Валерий Рогов, секретарь правления, замечательный прозаик и член приемной комиссии, встал и голосом опытного журналиста-международника заметил:

— А почему в таком тоне предлагается передать сотрудника в другое учреждение, даже не поговорив с ним предварительно?! У нас что, крепостное право?

Свою долю ярости от разъяренной дамы Л. получил и Рогов. Стало тихо, мне показалось, что всем было неловко. О своих эмоциях умолчу. Не о них сейчас речь. И вот тут встал Валентин Распутин. А он уже был не тем молодым журналистом-писателем, с которым я познакомилась на заре своей «карьеры». Он и в Общественном Совете при президенте поработал и, обладая несомненным авторитетом у писателей, стал инициатором внеочередного съезда, на котором был избран председателем правления Ганичев, а сам он — сопредседателем. Валентин Григорье-

вич и меня, когда-то начинающую чиновницу, со временем вступившую в Союз на Советании молодых писателей, стал величать по имени-отчеству, да, собственно, я и видела в те годы Распутина редко, так как его уровень стал недосягаемым для многих, а уж тем более для меня.

— А почему такой сыр-бор на ровном месте? Приемная комиссия работает слаженно. А по поводу нового подкомитета... так это сначала надо разобраться, прежде чем дрова ломать, а тем более кадровыми сотрудниками раскидываться, — спокойно, медленно выговаривая каждое слово, Валентин Распутин потушил так и не начавшуюся дискуссию.

Возмущенная (и, наверное, расстроенная) Л. выскочила из кабинета, вытирая злые слезы. Я не могла выскочить и успокоиться за дверью, так как писала протокол, но помню комок в горле до сих пор... В этой суете я даже не сообразила, как подойти к Распутину и выразить свою благодарность за защиту, ведь после секретариата он был окружен друзьями, коллегами, секретарями. А потом вспомнила, как он цитировал: «дружба не знает счета...», и успокоилась. Ну, думаю, будет еще время.

...Но если о чем я сегодня жалею, так это о том добром, благодарном, невысказанном — друзьям и современникам, по воле Спасителя оказавшимся со мною рядом в трудные минуты.

МАМИН ОБРАЗОК

Мама умерла вслед за папой, но перед смертью была некоторое время прикована к постели. Почти перед самой смертью она разделила библиотеку, которую собирала всю жизнь, между нами, своими детьми, а мне вручила образок Иверской иконы Божией Матери с напутствием никогда с ним не расставаться. Долгие месяцы я этот образок с помощью друзей и мастеров реставрировала. Чинился серебряный оклад, заменялся бархат, все это тянулось довольно долго, а потом, вспомнив наказ покойной мамы, стала носить образок с собой в сумочке. Иногда я в трудные минуты доставала образок, прикладывалась к нему и просила о помощи, потом, бережно поместив его в бархатный крохотный футляр и зажав в руку, брала на ответственные мероприятия. Это была моя тайна-тайна. В один из дней мы в правленческом коридоре пересеклись с Валентином Распутиным. Он выглядел огорченным: после нападения нелюдей и серьезной травмы у него случались сильные головные боли. Я не знала, как помочь, и довольно глупо пошутила:

— Надо с кастетом по темным улицам ходить.

— Да уж... — вздохнул Распутин, — вот еду сегодня на консультацию к светилу. Как все пройдет? — И из вежливости добавил:

— Легкая рука, а у тебя не кастет ли сейчас зажат в ладошке?

Я раскрыла ладонь и показала мамин образок. И в порыве сострадания предложила Валентину Григорьевичу взять его с собой на консультацию, для поддержки. Распутин вынул образок иконы Иверской Божией Матери из мягкого бархатного футляра, благоговейно приложился к нему и попросил разрешения подержать его в руках до отъезда. Я разрешила и заверила, что все теперь точно устроится. Через минут пятнадцать, уезжая к «светилу», Распутин подтвердил, что голова стала болеть меньше, и наказал мне мамино сокровище из рук не выпускать и обязательно об Иверской иконе Божией Матери, о мамином образке, написать, а также обо всех чудесных случаях, с ним связанных. Я пообещала, да так и не написала...

Пользуясь случаем «памятных рассказов» о Валентине Григорьевиче, я начала это делать сегодня...

Светлая и вечная память воину Христову, Валентину Распутину!